

УДК – 39(=352.2)

*А.И. Джопуа,
В.А. Ньюшков
(г. Сухум)*

К ИСТОРИИ ГЮЭНОСА В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА И ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

В своё время Ш.Д. Инал-ипа писал о Гюэносе как об одном из центров апсильской культуры¹. Возможно, что это и так! Но что мы знаем о Гюэносе периода поздней античности, да и вообще о том регионе, где располагалось это городище, появившееся, как свидетельствует многочисленный археологический материал, не позднее VI в. до н.э. благодаря грекам-колонистам? Этот регион можно охарактеризовать как центральную и южную часть современного Очамчирского района Республики Абхазия. Очевидно, в археологическом плане Гюэнос I тыс. до н.э. хорошо изучен. Имеется достаточно исследований, касающихся Гюэноса в раннеантичную эпоху. Наибольшего внимания заслуживают работа Ю.Н. Воронова «Гиенос», опубликованная в «Советской археологии», и монография С.М. Шамба «Гюэнос – 1».

Между тем, больший интерес история Гюэноса может представлять в последние века его существования, в период, когда тут, согласно археологическим и письменным позднеантичным источникам, проживали апсилы, а сам район поселения Гюэнос с первых веков нашей эры попал в орбиту влияния древнеабхазского этнополитического образования Апсилья, центр которой формировался в Цебельдинской долине, включая сюда и район сел. Джгярда-Атара (Очамчирский р-н), т.е. в период поздней античности. Надо заметить, что сам район, находясь в междуречье Кодора и Ингура, представлял основную часть этнической территории древнеабхазской этнической общности апсилов. Однако говорить о нём как о центре Цебельдинской культуры при уже имеющемся и бесспорно доказанном археологическом материале (Цебельдинская долина) и недостаточной изученности пока преждевременно.

В тоже время Гюэнос и в эпоху поздней античности оставался довольно крупным торгово-экономическим и культурно-религиозным центром для этой части Абхазии, или, точнее, Апсильи. Археологические материалы, идентичные по своей типологии и характеру цебельдинским, обнаруженные, в частности, на близлежащей к Гюэносу территории села Окум, свидетельствуют не только о проживании как таковых апсилов, но и развитости данного района (прибрежная часть), попавшего с IV в. в сферу византийского влияния. В итоге, если проследить по отдельным находкам специфической керамики и железных изделий (топоры, мотыги и др.), указывающих на возможность существования могильников, мы можем видеть, что Цебельдинская культура распространяется на довольно большой

территории с отмечающимися её признаками «в сёлах Абжаква, Парнаут, Джгерда, Адзюбжа, Тамыш, Кутол, к западу от Очамчыры (Гюэнос), в селе Царче и ряде других пунктов Сухумского, Гулрыпшского и Очамчырского районов»². Небезынтересно в данном случае отметить находку «черепков крупных сосудов с чашеобразным венчиком цебельдинского типа» на склонах холма у р. Галидзга, около сел. Заган³, недалеко от Очамчыры.

Так, в 1936–1937 гг. во время строительства морского порта археологи Л.Н. Соловьев, М.М. Иващенко, Б.А. Куфтин выявили античное поселение, отождествив его с античным Гюэносом. Как показал археологический материал Очамчырского порта, новый подъём городской жизни Гюэноса начался во II–V вв. н.э.⁴ По сообщению Г.К. Шамба, который раскапывал этот памятник в конце 70-х гг. XX столетия совместно с М. Барамидзе, здесь были найдены кухонная и хозяйственная посуда, принадлежности конской упряжи. Памятник они датируют V–I вв. до н.э., разделив его на три слоя. Первый горизонт – слой позднеантичного времени, второй горизонт – эллинистического времени и нижний горизонт – раннеантичного времени (V в. до н.э.)⁵.

Правда, продолженные в 1981 г. археологические раскопки и работы на месте, где некогда находилось городище Гюэнос, названное Псевдо-Скилаком Кариандским «эллинским городом», выявили раннеантичный слой второй половины VI в. (что стало сенсацией); они же и подтвердили, что Гюэнос в ранневизантийский период являлся торгово-экономическим, политическим и религиозным центром в этой части Апсолии. Это было время возрождения Гюэноса, свидетельством чему служит существовавшая внутри поселения раннехристианская церковь (базилика). «Судя по остаткам пока неисследованных стен, которые видны близ церкви, они принадлежали постройке крепостной, а не кладбищенской». На это указывает малое количество погребений за пределами церкви (всего 7)⁶, т.е. церковь не была загородной.

В течение сезона 1981, 1983-го и 1985 гг. была раскопана раннехристианская доюстиановской эпохи церковь. Фундаменты церкви впущены в мощный культурный слой античной эпохи, наиболее ранние материалы которого относятся к VI в. до н.э.; было установлено (что важно): , городище непрерывно функционировало вплоть до раннего Средневековья⁷. По мнению С.М. Шамба, «церковь в Гюэносе – это памятник, тесно связанный с позднеантичными традициями, с позднеримской и ранневизантийской культурой восточного Средиземноморья»⁸. Не останавливаясь конкретно на типологических и других характеристиках отмеченной базилики, поскольку о ней имеется подробное описание в ряде работ⁹, хотелось бы отметить, что по особенностям плана и строительной технике её можно отнести ко второй половине V в.¹⁰ Она сыграла важнейшую роль в распространении христианства в этом восточном краю, населённом апсилами и мисимианами. Как полагает Л.Г. Хрушкова, цитируя Прокопия, апсилы были христианами «с давних пор», они познакомились с новой верой благодаря таким церквям, которые строились в городах, расположенных на побережье¹¹.

Вместе с тем, здесь, на месте церкви «на глубине 40–50 см от уровня пола, было найдено четыре конских захоронения» во время раскопок в 1985 г.; «одно из захоронений располагалось между западной стеной южного придела и восточной стеной нартекса, т.е. за пределами храма. Три других комплекса были расположены в средней части наоса»¹². Основной

инвентарь всех отмеченных комплексов: бронзовые налобники, наносники и нащечники, железные удила и псалии и другие образцы так называемого «звериного стиля», наконечники стрел и т.п. Как полагает исследователь, «однотипность бронзовых украшений позволяет говорить об их одновременном захоронении»¹³. Вообще же, как указывает С.М. Шамба, число этих захоронений довольно значительное; «так, на площади ок. 300 м² выявлено восемь комплексов захоронений конских черепов»¹⁴ с набором¹⁵. «К сожалению, степень сохранности костяков не позволяет говорить о том, были ли эти черепа целые или фрагментированные»¹⁶ на данном могильнике. Предположение С.М. Шамба, что эти захоронения имели чисто ритуальное значение¹⁷, нашло поддержку со стороны Г.К. Шамба. «Учитывая, что все захоронения залегали примерно на одном и том же горизонте от современной поверхности (80–100 см), также единый способ захоронения и почти идентичность этих предметов, можно считать, что в данном случае мы имеем дело с особым ритуальным могильником, в котором были произведены захоронения конских черепов»¹⁸.

По мнению же В.Р. Эрлиха, здесь находилось святилище, где в жертву приносили коней. Так, на его взгляд, обнаруженные вещи (узда, псалии, наносники) на городище Гюэнос находят свою серию аналогий в Прикубанье: в Уляпских, Елизаветинских, Тенгинских и в др. курганах, т.е. выполнены в прикубанском зверином стиле; можно говорить, что «весь набор находок – чисто кубанский; мы можем предположить, что имеем дело с остатками святилища, подобного распространённым в это время в Прикубанье святилищам с конскими жертвоприношениями». Сам же набор целиком был вывезен из Прикубанья. Да и «обряд, заключавшейся в захоронении конских черепов с уздечкой, находит параллели в серии меотских святилищ IV в. до н.э. – Уляпских, Тенгинских, Воронежских, Говердовских»¹⁹. В свою очередь, это, возможно, и дало повод автору утверждать, «что на городище Гюэнос во второй половине IV в. до н.э. совершались конские жертвоприношения по меотскому обряду»²⁰. Внезапное же запустение городища Гюэноса исследователь увязывает «с появлением здесь конных отрядов из Прикубанья, которые, разрушив поселение, и совершили здесь жертвоприношение»²¹, т.е. в IV в. до н.э.

В итоге, развивая данный вывод, Ю.А. Прокопенко увязывает появление меотских отрядов в Южной Абхазии с экспансией прикубанского союза племён. Так, он отмечает: «Победа в гражданской войне Боспора обеспечила местным племенам защищённый тыл. Поэтому экспансия прикубанского союза племён была направлена на юг. Прекращение традиций захоронений в Елизаветинских курганах, возможно, связано с уходом военизированной части населения. Базовая основа этого объединения – совместные походы в Закавказье»²². Точку зрения В.Р. Эрлиха о вторжении на городище Гюэнос военных отрядов из Прикубанья и т.д. поддержала и Е.В. Переводчикова, говоря о находках звериного стиля Прикубанья на других территориях, в частности, на городище Гюэнос, «где серия подобных вещей, – на её взгляд – была обнаружена в контексте, находящем близкие аналогии в прикубанских святилищах»²³. Здесь же следует отметить и ещё одно интересующее нас по данной теме мнение. Давая характеристику понятию «меотское святилище», И.С. Каменецкий указывает, что они были «одноразовы»²⁴, т.е. «совершалось какое-то грандиозное действие с жертвоприношениями, после чего всё погребалось», и посвящено это одноразовое действие было конкретному событию, «например, победе в бою». В этом

отношении более всего, по мнению И.С. Каменецкого, выразителен «меотский жертвенный комплекс в Абхазии, появившийся в результате похода меотов и их победы»²⁵, ссылаясь на В.Р. Эрлиха. Сам же В.Р. Эрлих, подводя итог, заключает, что «найденная на городище Гюэнос конская упряжь из Прикубанья свидетельствует скорее всего об отнюдь немирном проникновении воинского контингента из этого региона в Закавказье во второй половине IV в. до н.э.»²⁶.

Впрочем, и сам нашедший конские черепа С.М. Шамба указывает, что бронзовый инвентарь при них имеет адыгское происхождение. Так, касаясь налобника, обнаруженного в комплексе № 1, исследователь отметил, что такой же по форме и размеру налобник происходит из адыгейского аула Уляп, в связи с чем (на основании раскопок Уляпского ритуального комплекса) данный экземпляр он датирует IV в. до н.э. Это касается и двух бронзовых псалий, обнаруженных в комплексе № 2, которые типологически напоминают адыгские экземпляры, датированные IV в. до н.э. В комплексе № 3 также среди встречаемого инвентаря можно найти его прямые аналогии всё в том же Уляпском могильнике IV в. до н.э.²⁷, ритуальные комплексы которого находились в западной части некрополя, где располагался означенный грунтовый могильник IV – начала III в. до н.э.²⁸; они же, согласно В.Р. Эрлиху, являлись одними «из характерных черт археологической культуры оседлого населения Кубани», «они известны с протомеотского времени, т.е. со времени начала формирования меотской культуры и прослеживаются до II в. до н.э.»²⁹.

Сам же факт нахождения на территории Абхазии двух ритуальных комплексов (площадок) Гюэнос и Ахул-абаа³⁰, судя по обнаруженным вещам, имеющим прикубанский (меотский) характер, заслуживает особого внимания. Однако увязывать их появление с проникновениями сюда военных отрядов, состоявших из меотов, и совершением ими конских жертвоприношений, в частности на городище Гюэнос, должно иметь конкретное объяснение. Сам же автор, В.Р. Эрлих, справедливо ставит ряд вопросов: Какова причина этих походов? Какими путями эти воинские отряды попадали из Прикубанья в юго-восточную часть Абхазии?³¹. Вместе с тем, вывод В.Р. Эрлиха по поводу запустения городища Гюэнос в связи с появлением этих отрядов из Прикубанья нуждается, на наш взгляд, в определённой корректировке. «Прежде всего – хронологическая нестыковка: жизнь на городище прекращается, судя по археологическим данным, самое позднее – в начале IV в., в то время как захоронения конских черепов сам автор датирует второй половиной IV в., так что разница между этими двумя событиями – лет 40–50»³². Таким образом, «либо меотские всадники, совершившие жертвоприношения, находились в данном поселении все эти годы (этому, однако, противоречит отсутствие следов какого-либо поселения на городище Гюэнос в данный период), либо они прибыли значительно позже, застали уже покинутое поселение и, следовательно, совершенно непричастны к его разрушению. Данное положение, кстати, подтверждает и отсутствие следов насильственного разрушения (пожара и пр.) на городище Гюэнос в указанную эпоху (начало IV в.)»³³.

По нашему же мнению, об отсутствии насильственного разрушения может говорить и такой факт, как происходившие в тот период (конец V – начало IV в. до н.э.) активные геологические процессы во всём Причерноморском регионе. Так, внезапное прекращение жизни античного полиса на восточном холме, где были зафиксированы конские головы³⁴,

было связано с опусканием берега моря и заболачиванием местности. Столь невыгодные условия для проживания спровоцировали население оставить этот холм и переселиться на соседний, западный холм. Л.Н. Соловьёв считает, что «опускание берега и заболачивание было главной причиной, побудившей соорудить первый курган (западный), давший удобную для поселения сухую площадку, защищённую широким водяным рвом»³⁵. Здесь же исследователь предположил, что «это было незначительное поселение для каботажного плавания, периодически посещаемое греческими купцами»; вслед за этим автор отмечает, что «население было преимущественно туземное, о чём ясно говорит преобладание туземной керамики над импортной»³⁶. Так, при раскопке городища эллинистического Гюэноса, располагавшегося на месте современного Очамчырского порта, «были найдены кувшины, горшочки и миски местной работы, которые возможно датировать временем существования городища, т.е. IV – II вв. до н.э.»³⁷.

Следует отметить и то, что в указанное время (это подтверждают, в частности, археологические работы Л.Н. Соловьёва, Г.К. Шамба, Ю.Н. Воронова) тут проживало древнеабхазское население, более известное по ранним античным источникам как гениохское; следовательно, в раннеантичный и эллинистический периоды Гюэнос «был основан на земле гениохов»; «отсутствие следов каких-либо этнических передвижений в Северной Колхиде в эллинистический период позволяет полагать, что этническое окружение Гюэноса не менялось вплоть до I в. до н.э.»³⁸. В своё время О. Лордкипанидзе отметил, говоря о Гюэносе, что «нет оснований рассматривать это поселение как чисто греческое, а тем более полис. Важно иметь в виду, что и здесь мы не находим следов производственной деятельности греков V–IV вв. до н.э.»³⁹ и захоронений. На этом поселении нет ни одного греческого захоронения. По мнению же Л.Н. Соловьёва, «это была типичная торговая фактория, приспособленная к условиям сезонной торговли, оживавшая летом во время прихода торговых судов и пустевшая зимой»⁴⁰.

В это же время (в IV в. до н.э.) дальнейшее развитие получает торговля с Колхидой не только в прибрежной части, но в горной местности. Об этом свидетельствует, например, Джантухский могильник, расположенный в 30 км от Гюэноса. Последние произведённые на нём работы под руководством А.И. Джопуа, А.Ю. Скакова ещё только усилили повод считать, что население, оставившее Джантухский могильник, обеспечивало функционирование важнейших для того времени торговых маршрутов, связывающих Западное Закавказье и Северный Кавказ. «Наличие как «кобанских», так и «колхидских» черт, а также предметов, связываемых с культурой ранних кочевников и античного импорта, объясняется местоположением могильника на древнем торговом пути, связывающем Колхиду и Центральный Кавказ по ущельям рек Галидзга, Ларакваква, Ингури, Накра»⁴¹. Со всех округов Северного Кавказа торговцы (скифы, меоты, сарматы, кобанцы) съезжались в древнее поселение на берегу моря и через Ткуарчалское ущелье. Их следы находят в могильнике, который существовал с поздней бронзы до эллинизма. Вполне вероятно, торговцы попадали в Гюэнос на лошадях и привозили товар для обмена. Здесь же следует сказать, что за Джантухом не встречается импортная керамика, что может свидетельствовать о посреднической деятельности населения и буферной зоне Джантухского региона.

Очевидно, что и в самом поселении Гюэнос представлен был местный этнический элемент с чётко прослеживаемыми следами деятельности

местного населения, предков апсилов. Было выделено множество керамических изделий местного производства, в ряде случаев носивших ритуальный характер, в частности, пифос-корчага с гравированными оригинальными изображениями фантастических животных, характерных для эпохи колхидской культуры, или пифосы с зооморфными линейными графическими изображениями животных⁴². Также раскопки древнего Гюэноса за всё время не выявили какого-то сооружения, не были обнаружены городские кварталы, столь характерные для древнегреческих полисов. Процент импортной керамики, найденной на городище, не превышает 10–15%. Поддерживая Л.Н. Соловьёва, мы также считаем, что Гюэнос был посещаем в определённое время, т.е. сезонно.

Что же касается отмеченных выше ритуальных захоронений конских черепов меотами, а также некоторых предметов конской упряжи, то их появление на территории Гюэноса и в окрестностях Диоскурии (на поселении Ахул-Абаа) было, главным образом, связано с проводившейся активной торговой деятельностью обитателей этих поселений в Восточном Причерноморье. Это подтверждает и Страбон, говоря о Диоскуриаде, которая, по его словам, являлась «общим торговым центром для живущих выше и соседних народностей. Во всяком случае, в этот город собирается 70 народностей»⁴³. Видимо, для большего обеспечения безопасности доставляемого ценного груза для населения Северо-Кавказского региона древними греческими торговцами было достигнуто взаимовыгодное соглашение, в частности, меотской знати с представителями местных властей Диоскурии и Гюэноса о пребывании небольшого меотского воинского всаднического контингента в тех районах современной Абхазии, где шёл интенсивный обмен, поскольку для перевозимого богатства требовалась надёжная охрана. Вследствие этого и определённый процент меотских вещей эллинистической эпохи теперь можно найти в могильниках Абхазии. К тому же сама общая этнокультурная среда не давала меотам чувствовать себя на территории Восточного Причерноморья, где проживали родственные им, в том числе по языку, древнеабхазские племена, чужими. Общеизвестно, что «родство языков в основном предполагает родство его носителей. А родственные языки и их носители обычно локализуются рядом. Если исходить из того, что носители хаттского языка проживали в центральной и северо-восточной части Малой Азии, то, надо полагать, в ареале их контактирования находились и народы, говорившие на абхазо-адыгских языках»⁴⁴.

Между тем, есть и несколько иная точка зрения, позволяющая объяснить присутствие отдельного контингента из Прикубанья в Абхазии. Так, М.Ф. Высокий считает, что пребывание представителей меотской культуры (не исключено – военных) связано с тем, что они были, являясь отрядом, наняты на службу Диоскурией и выполняли функции пограничной охраны на холме Ахул-абаа, т.е. на одном из пограничных пунктов хоры Диоскурии. «Вполне вероятно, что отряд из Прикубанья на городище Гюэноса выполнял аналогичные функции – пограничной охраны и (или) контроля над территорией». При всём этом дислокация военного отряда в Гюэносе, по предположению автора, связана была с наёмничеством Диоскурии. «Хотя греки и покинули Гюэнос, однако диоскурийцы вполне могли считать эту традиционно греческую территорию своей сферой влияния и, соответственно, разместить здесь свои гарнизоны»⁴⁵. При всей кажущейся логичности этой версии возникают два серьёзных вопроса: за-

чем надо было охранять означенную выше пограничную территорию и почему для этого надо было нанимать меотский военный отряд?

В этом смысле более подробную информацию по поставленным вопросам можно найти в сообщении А.Ю. Скакова и А.И. Джопуа. «Было бы логично допустить, что расширение зоны контроля населения, оставившего Джантухский могильник, на всю территорию горной части Северо-Западного Закавказья (в частности, район Шубары ранее относился к Бзыбской колхидской культуре (по А.Ю. Скакову); теперь же культурная принадлежность этого могильника меняется, и установление его господства над перевальными коммуникациями серьезно беспокоило как Диоскурию, так и местных правителей и, возможно, стало причиной прекращения жизни на городище греческого полиса Гюэнос в начале IV в. до н.э. Именно в связи с этим происходит приглашение на территорию современной Абхазии меотского воинского контингента, при том, что меотские племена Северо-Западного Кавказа, бесспорно, сами были заинтересованы в бесперебойном функционировании перевальных коммуникаций»⁴⁶, или, как нами выше было отмечено, в их безопасном функционировании. Также А.Ю. Скаков и А.И. Джопуа считают, что «данная гипотеза ни в коей мере не исключает более длительной истории взаимоотношений между древним населением центральной (северо-западной) Колхиды и меотскими племенами», на что обращает внимание и сам В.Р. Эрлих⁴⁷, и это вполне справедливо.

Следует также обратить внимание и на само святилище, которое, на наш взгляд, больше походило на ритуальную площадку⁴⁸, где производилось погребение конских черепов, и использовалось для совершения обрядов (разовых), куда местное население приходило поклоняться и совершать ритуальные обряды, что в современной Абхазии наблюдается и поныне. Прикубанский же характер конского инвентаря может только указывать на широкое распространение его среди зажиточного аборигенного населения городища Гюэнос. Правда, по классификации А.Р. Конторовича и В.Р. Эрлиха, святилище на Гюэносе относится ко второму виду святилищ меотов. Это конские жертвоприношения (целые костяки, черепа коней или только уздечка), без деревянной конструкции и без определённой системы небольшой насыпи⁴⁹. Однако верно мнение И.С. Каменецкого, что «настоящее долговременное святилище на чужой территории возникнуть не могло»⁵⁰. Поэтому сам факт отсутствия меотских вещей на городище Гюэнос даёт основание ставить под сомнение существование святилища как такового. Как известно, святилища создаются в местах проживания местного этнического, единого состава населения или родовой группы. Там, где предполагается святилище меотов в Гюэносе, в окрестностях означенного городища, существовали свои местные святилища – аныха, действующие и по сей день. Это: Елыр-ныха, Джахашкиар-нын (с. Члоу) и т.д. Святилища имеют тысячелетнюю историю, в них и по сей день проводят регулярные моления. В одном из таких мест, в частности, в селе Илори (недалеко от Гюэноса) находится отмеченное святилище Елыр-ныха, на месте которого впоследствии, в XI в., был возведён Илорский храм. В современной Абхазии неизвестны другие святилища других этнических групп. В связи с этим достаточно логичным выглядит представление, оформившееся несколько позднее, «в период появления богов традиционного пантеона во главе с Анцва, но по сей день являющейся краеугольным камнем национального менталитета. Согласно ему, сама земля Абхазия считается уделом Анцва, который он передал абхазам в вечное пользование, заповедовав хранить эту

землю от всех, кто захочет её присвоить. А чтобы не забыли люди, чья это земля, Апааимбар (посланник Анцва) установил на ней семь святилищ – аныхы – для поклонения Богу»⁵¹, семь главных. По данным Ш.Д. Инал-ипа, «на сегодня можно ещё обнаружить следы или воспоминания о древних языческих святилищах Абхазии количеством до 30 и выше»⁵².

Таким образом, говоря о присутствии небольшого меотского отряда на территории Абхазии, мы склоняемся к тому, что их нахождение в районе Гюэноса было обусловлено, скорее всего, охраной товарного имущества, предназначавшегося для Северного Кавказа. Видимо, Гюэнос (как типично местное городище) представлял собой наиболее удобное место для совершения торговых операций, поскольку был связан более короткой дорогой с Северным Кавказом, включая Прикубанский регион, шедшей через Джантух. Имевшееся же меотское святилище следует рассматривать как возможно существовавшую ритуальную площадку, на которой жители поселения могли совершать обряд поклонения коню, и то, судя по количеству найденных черепов, очень редко. Обнаруженные при них вещи конского убора, имеющие меотский характер, вероятно, надо связывать с восприятием местными мастерами художественно-эстетических приёмов елизаветинского стиля IV в. до н.э., что и наблюдается в находках в разных районах Абхазии. Если же говорить вообще о конских погребениях в Закавказье, то они появляются уже в последних веках II тыс. до н.э., включая и захоронения отдельных конских черепов, «в ряде случаев в подкуранных каменных ящиках»⁵³.

Так, на 8 конских погребений с уздой в Гюэносе своё внимание обратил также Ю.Б. Полидович, поддержав мнение В.Р. Эрлиха, что они представляли собой жертвоприношения на своеобразном святилище, вероятно, оставленные меотами после удачного похода, приведшего к гибели поселения Гюэнос в IV в. до н.э.: автор сделал акцент на то, что предметы оформлены в прикубанском «зверином стиле», конкретно – на пластинчатом бронзовом налобнике из набора коня 1 (1984 г.) с изображением протомы волка. По мнению Ю.Б. Полидовича, «данный налобник уникален, особенно необычен ракурс изображения зверя. Наиболее близким гюэновскому является изображение протомы хищника на бляшке из кург. 22 у с. Староживотинное (Среднее Подонье) IV в. до н.э.»; он считает, что «щиток налобника можно воспринять как единый образ, представляющий символическое воспроизведение шкуры волка». Данную деталь конского оголовья, полагает Ю.Б. Полидович, можно рассматривать в качестве маски, «посредством которой конь в ходе ритуала преображался в иное животное, обладающее синкретическими чертами». Сама же «оголовная маска служила ритуальному преобразованию именно погребального коня»⁵⁴. Здесь автор отметил, что характер гюэновского святилища неясен, что, в свою очередь, на наш взгляд, можно ставить под сомнение и само существование святилища. Скорее всего, тут производились, как пишет и сам исследователь, погребально-поминальные ритуалы без принесения благодарственных жертвоприношений богу войны и победы⁵⁵, поскольку ни в письменных, ни в вещественных источниках в это время не упоминаются военные столкновения на данной территории.

Вместе с тем в этой связи следует отметить синхронность ритуальных захоронений-памятников в Гюэносе и на Северном Кавказе (Уляпские курганы), на что в своё время обратил внимание Г.К. Шамба. Так, он подчеркивает, что на предметах конского убора (найденных на могильнике

Гюэноса) получают своё отражение всевозможные мотивы из растительного и животного мира, выполненные в скифском зверином стиле⁵⁶ (на псалиях и на налобниках из комплексов № 1 и № 2 с изображением хищных животных с одинаково переданными изображениями пасти, клыков, ушей). Зооморфный образ замечается и в обнаруженных в Алексеевском ущелье (территория современного Сухума) псалиях и налобной пластине (детали конской сбруи). Здесь также передан образ хищника: «Голова хищника-птицы является одновременно «пяточком» кабана, где глаз животного служит ноздрей»⁵⁷. Что интересно, «подобные изображения птичьих головок не находят аналогий на вещах елизаветинского стиля»⁵⁸. Вместе с тем близким прототипом образу головы кабана из Алексеевского ущелья может являться группа изображений головы кабана V в. до н.э. с Семибратных курганов. Видимо, мастер, изготовивший пластину из Алексеевского ущелья, хорошо знал как вещи эпохи Семибратных курганов, так и владел приемами елизаветинского стиля». Есть основание говорить, что «налобная пластина и, вероятно, весь конский гарнитур из Алексеевского ущелья были изготовлены не в Прикубанье, как, например, комплекты узды из Гюэноса, а местным мастером»⁵⁹. Таким образом, налобную пластину в виде головы кабана из Алексеевского ущелья, как и псалии из этого, скорее всего, уздечного гарнитура, можно датировать временем прикубанского типа вещей из станицы Елизаветинской, т.е. IV в. до н.э.⁶⁰ В тоже время есть все основания полагать, что определённое влияние на местный звериный стиль со стороны Западного Кавказа оказывалось и ранее, ещё в V в. до н.э.⁶¹, т.е. можно утверждать, что с этого времени меото-скифский звериный стиль получает своё распространение на всей территории Абхазии, особенно в IV в. до н.э. «Для всех известных на Кавказе образцов общим является скифский канон, что, наверное, неудивительно, если принять во внимание особенности кавказского искусства времени скифской архаики»⁶², который прослеживается и в закубанских богатых комплексах, как Келермесские или Ульские курганы. «Последние раскопки в этой зоне позволили выдвинуть гипотезу, что здешние крупные богатые воинские погребения под курганами оставлены скифской знатью, а обнаруженные там же грунтовые могилы – зависимо-му от скифов меотскому населению»⁶³. Как нам кажется, меоты попали под скифское влияние.

Таким образом, мы можем как на возвышенностях Ахул-абаа, так и на городище Гюэнос наблюдать обычную картину воплощения местными мастерами елизаветинского стиля⁶⁴, в данном случае – прикубанского, например, из станицы Елизаветинская единого уздечного гарнитура. В частности, «снаряжение коня обладало общими чертами на очень широких территориях»⁶⁵, подтверждением этому являются и изображения, выполненные в скифском зверином стиле, найденные и на территории Абхазии. Несомненно, что с эпохи бронзы на территории Абхазии смены населения не наблюдалось. Джантухский могильник, а также поселения колхидской культуры Тамышское, Моквинское, Гагидское и др., располагавшиеся недалеко от Гюэноса, наглядно это демонстрируют. На это указывают археологические источники, а письменные источники позднеантичной эпохи локализуют древнеабхазские племена в этом регионе.

Итак, поднятая нами проблема о распространении (может быть, и частично) меотской культуры на территории раннеантичного Гюэноса должна решаться в комплексе археологических, этнографических, письменных источников, поскольку, кроме меотских уздечек и конских черепов, свя-

занных с возможным присутствием меотов, постоянных археологических следов их присутствия на территории современной Абхазии нет.

Примечания
(Endnotes)

1. *Инал-ипа Ш.Д.* Вопросы этнокультурной истории абхазов. 2-ое, перераб. и доп. издание. Сухум, 2011. Том III. С. 417.
2. *Воронов Ю.Н.* Тайна Цебельдинской долины. М., 1975. С. 45.
3. *Гунба М.М.* Новые памятники Цебельдинской культуры. Тбилиси, 1978. С. 68.
4. *Лордкипанидзе О.Д.* Античный мир и древняя Колхида (К истории торгово-экономических и культурных взаимоотношений в VI в. до н.э.). (На груз. яз. с русск. резюме). Тбилиси, 1966. С. 58.
5. *Шамба Г.К.* Очерки по археологии Абхазии. (На абх. яз). Сухум, 1981. С. 88.
6. *Кобахия Б.С., Хрушкова Л.Г., Шамба С.М.* Новая раннехристианская церковь на городище Гюэнос // Вестник древней истории. М., 1987. № 1. С. 111.
7. *Кобахия Б.С. Шамба С.М.* Результаты исследований раннехристианской церкви на городище Гюэнос // Археологические открытия 1983 года в Абхазии. Тбилиси, 1985. С. 470.
8. *Шамба С.М.* Гюэнос-1. Тб., 1988. С. 61.
9. *Кобахия Б.С., Хрушкова Л.Г., Шамба С.М.* Новая раннехристианская церковь на городище Гюэнос // Вестник древней истории. М., 1987. № 1.; *Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002. С. 273–290.
10. *Хрушкова Л.Г.* Указ. соч. С. 290.
11. *Она же.* Указ. соч. С. 290.
12. *Шамба С.М.* Указ. соч. С. 55.
13. *Он же.* Указ. соч. С. 57.
14. *Он же.* Указ. соч. С. 64.
15. Один комплекс был выявлен раскопками М.Б. Барамидзе в 1977 г., а семь других – раскопками С.М. Шамба.
16. *Шамба Г.К.* Абхазия в I тыс. до нашей эры. Сухум, 2000. С. 102.
17. *Шамба С.М.* Указ. соч. С. 57.
18. *Шмба Г.К.* Указ. соч. С. 102.
19. *Эрлих В.Р.* Меотское святилище в Абхазии // Вестник древней истории. М., 2004. № 1. С. 170; *Он же.* Святилища некрополя Тенгинского городища III в. до н.э. М., 2011. С. 191.
20. *Он же.* Меотское святилище в Абхазии // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII // Крупновские чтения 1971–2006. М.,–Ставрополь, 2008. С. 779.
21. *Он же.* Меотское святилище... С. 779.
22. *Прокопенко Ю.А.* К вопросу о реконструкции этнической истории Предкавказья в V–III вв. до н.э. // Историко-археологический альманах. М., 2012. Вып. 11. С. 207.
23. *Переводчикова Е.В.* Находки звериного стиля Прикубанья на других территориях: Вопросы и интерпретации // Пятая кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009. С. 245.
24. *Каменецкий И.С.* История изучения меотов. М., 2011. С. 244.
25. Там же. С. 245.
26. *Эрлих В.Р.* Меотское святилище в Абхазии... С. 172.
27. *Шамба С.М.* Указ. соч. С. 56–57.
28. *Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р.* Меоты Закубанья IV–III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М., 2013. С. 15.
29. *Они же.* Указ. соч. С. 72.
30. Выявленный археологический материал этого поселения со всей очевидностью свидетельствует о том, что «в IV–II вв. до н.э. местное поселение было полно-

стью втянуто в сферу влияния греческой культуры» (Воронов Ю.Н. Ахул-абаа – поселение античного времени в окрестностях Сухуми // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1979. С. 32–36). С другой стороны, интерес представляет то, что тут (на холме Ахул-абаа) был вскрыт комплекс, по словам Ю.Н. Воронова, с местным погребальным обрядом: всаднический набор с двумя конскими черепами (Он же. Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады // Советская археология. М., 1991. № 1. С. 230). Вместе с тем, по мнению В.Р. Эрлиха, данный комплекс также сопоставляется с меотским святилищем. Кубанское происхождение уздечных наборов бесспорно, а обряд ритуального захоронения конских голов с уздой находит соответствия как в гюэносском святилище, так и меотских святилищах Прикубанья (Эрлих В.Р. Святилища некрополя... С. 91). В тоже время, судя по скоплению всаднического инвентаря и присутствию двух черепов, мы не можем так уверенно утверждать, что тут было святилище, тем более в условиях локализации на данном холме местного поселения. Здесь могло быть только святилище местного типа (Воронов Ю.Н. Ахул-абаа ... С. 33). С другой стороны, находясь недалеко от крупного древнегреческого раннеантичного полиса Диоскурия, поселение Ахул-абаа по своему характеру было с IV в. типично эллинистическим. «О контактах жителей этого поселения с греками, а впоследствии – и с эллинистической культурой, говорит незначительный объём греческих импортов, в частности керамики, датированной IV–III вв. до н.э.», «а также предметы уздечного набора», выявленные в двух погребениях, располагавшиеся на возвышениях холма (Чандрасекаран С.О. О греческих поножах из района Диоскуриады // Третья Международная археологическая конференция. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Сухум, 2013. С. 56).

31. Эрлих В.Р. Меотское святилище в Абхазии... С. 172.

32. Высокий М.Ф. Греческая колонизация Восточного Причерноморья. Итоги и перспективы исследования // ПИФК. М.–Магнитогорск, 2004. Вып. 14. С. 404.

33. Он же. Указ. соч. С. 404.

34. Шамба С.М. Указ. соч. С. 64.

35. Соловьёв Л.Н. Археологические раскопки близ г. Очамчиры в Абхазии // Советская археология. № 4. М., 1937. С. 323.

36. Он же. Указ. соч. С. 324.

37. Он же. Следы соляного промысла близ г. Сухуми и Очамчиры // Труды государственного музея. Сухуми, 1947. Вып. 1. С. 36.

38. Воронов Ю.Н. Гиенос // Советская археология. М., 1976. № 4. С. 55.

39. Лордкипанидзе О.Д. К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья / Под ред. О.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979. С. 220.

40. Соловьёв Л.Н. Диоскурия–Себастополис–Цхум // Труды Абхазского государственного музея. Сухуми, 1947. Вып. 1. С. 111.

41. Скаков А.Ю., Джотуа А.И. Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация) // Труды Государственного исторического музея. Вып. 191. Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. М., 2012. С. 235.

42. Шамба С.М., Шамба Г.К. Раскопки древнего Гюэноса // Археологические открытия в Абхазии 1981–1982 гг. Тбилиси, 1985. С. 21.

43. Страбон. География в семнадцати книгах. М., 2004. С. 300.

44. Чкадуа Л.П. Избранные труды. Сухум, 2012. Т. 1. С. 348.

45. Высокий М.Ф. Указ. соч. С. 404–405.

46. Скаков А.Ю., Джотуа А.И. Указ. соч. С. 236.

47. Они же. Джантухский могильник в Абхазии: новые открытия // II Абхазская Международная археологическая конференция: Материалы конференции. Сухум, 2011. С. 137.

48. Для сравнения отметим: на Джантухском могильнике была обнаружена А.И. Джотуа и А.Ю. Скаковым ритуальная площадка (святилище) с удивительными находками, относимая по времени к VI–V вв. до н.э. Здесь были найдены золотая фигурка барана, бронзовая фигурка женщины. Они находились под ка-

менной вымосткой погребально-поминального комплекса. Обнаруженная ритуальная площадка была небольшой, уложенной камнями, и вокруг неё расположены погребальные ямы, в которых были проведены вторичные захоронения, характерные для абхазского населения. Данный вид обряда просуществовал до XVII в. На месте святилища были замечены следы шестов-палок, с прикреплёнными наконечниками копий и с подвешенными колокольчиками. Видимо, между камнями втыкали копья и шесты, в них вбивали железные стержни, на которые вешали колокольчики. Любое дуновение ветерка заставляло их звенеть. Это место считалось священным для местного населения, и чужаки туда попасть не могли.

49. Конторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. М., 2006. С. 24–25.

50. Каменецкий И.С. Указ. соч. С. 245.

51. Барцыц Р.М. Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике. Сухум, 2010. С. 35.

52. Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976. С. 304.

53. Ковалевская В.Б. Конь и всадник, пути и судьбы. М., 1977. С. 66.

54. Полидович Ю.Б. Налобник с изображением волка из поселения Гюэнос // IV Абхазская Международная археологическая конференция: Тезисы докладов. Сухум, 2013. С. 72–73.

55. Он же. Указ. соч. С. 72–73.

56. Шамба Г.К. Указ. соч. С. 102.

57. Эрлих В.Р., Шамба Г.К. К вопросу о влиянии прикубанского искусства на звериный стиль Центральной Абхазии // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 164.

58. Эрлих В.Р., Джопуа А.И. Об одной детали конской упряжи из Абхазского государственного музея // Труды Абхазского государственного музея. VI вып. Сухум, 2008. С. 26.

59. Эрлих В.Р., Шамба Г.К. Указ. соч. С. 165.

60. Эрлих В.Р., Джопуа А.И. Указ. соч. С. 29.

61. Эрлих В.Р., Шамба Г.К. Указ. соч. С. 165; Эрлих В.Р., Джопуа А.И. Указ. соч. С. 29.

62. Черных Е.М. Древности Кавказа и ананьинская культура: возможности сравнения некоторых предметов V–III вв. до н.э. // III Международная археологическая конференция. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Сухум, 2013. С. 213.

63. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М., 2004. С. 117.

64. Говоря о проникновении елизаветинского стиля из Западного Прикубанья на территорию Абхазии, надо иметь в виду, что данный стиль попадал как с северо-запада, где он чётко фиксируется на Эшерском могильнике эллинистического времени, так и со стороны перевалов Главного Кавказского хребта, а также с юго-восточной стороны Колхиды, через Джантух.

65. Ковалевская В.Б. Указ. соч. С. 114.